

В. Г. Белинский

Провинциальные бредни

и записки

Дормедона Васильевича...

Виссарион Белинский

**Провинциальные бредни
и записки Дормедона
Васильевича Прутикова...**

«Public Domain»

1836

Белинский В. Г.

Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича
Прутикова... / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1836

Дормедон Васильевич Прутиков – псевдоним А. Полторацкого. Из письма Лажечникова к Белинскому от 26 ноября 1834 года явствует, что последний был рекомендован Полторацкому в качестве литературного секретаря. Не желая, однако, «жертвовать своими убеждениями», Белинский, по свидетельству того же Лажечникова, вскоре оставил эту должность. В 1835 г. Белинский выполнял поручения Полторацкого, связанные с печатаньем его книги. Это не помешало критику выступить с настоящей рецензией.

Виссарион Григорьевич Белинский

Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова...

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ БРЕДНИ И ЗАПИСКИ ДОРМЕДОНА
ВАСИЛЬЕВИЧА ПРУТИКОВА. Москва. В типографии Н. Степанова.
1836. Две части: I–IV, 263; II – 306. (12). С эпиграфом:
*За все прочее, пожалуйста, бранитесь,
Лишь за правду не сердитесь.*

Автор этой книги говорит в своем предисловии:

Я не романтик, не классик; нет у меня ни эффектов, ни потрясений, ни смертоубийств, даже ничего нет фантастического? что же это такое? Безымянный выродок. Вот, скажут, автор не знает эстетики: нет ничего трансцендентального, индивидуального, объективного, штиль не новый, слог простой и рубит сплеча.

Вот какие речи отпустил нам Дормедон Васильевич! Мы, с своей стороны, скажем только то, что в его «Записках» в самом деле нет ни идеализма, ни трансцендентализма: в них, напротив, абсолютный нигилизм с достаточною примесью безвкусыя, тривияльности и безграмотности. Штиль, или, как говорит автор, *штиль* его не новый: это правда; его слог допотопный, ископаемый, его язык есть язык Тредиаковского, Симеона Полоцкого, Сумарокова. Его слог, говорит он, простой и рубит сплеча: правда, он точно уж чересчур простоват, а как он рубит сплеча, об этом судите сами по отрывку следующей курьезной пьесы.

Был, изволите видеть, майор Трубин, которого дернуло жениться в сорок пять лет на молодой девушке; у майора был любимый денщик, Козмич, обладавший столь великим умом, сколько прилично иметь денщику. Через пять лет после своего брака майору надо было куда-то отлучиться с своим денщиком. После этого вступления вам будет понятен следующий отрывок, который выписываем слово от слова, без всяких перемен:

«Мне минуло пятьдесят лет, – рюмил про себя майор. – Так и быть. Я должен это помнить и беспрестанно благодарить бога, что он наградил меня сокровищем. У меня жена бесценная, но мне пятьдесят лет – и я должен остерегаться. – Ну если...» Тут опять майор задумался. Сия задумчивость была не из *тех, которая в златом виде нам все предметы представляет*. Отъехав версты три, вдруг остановил он своего коня и верному своему шталмейстеру Даниле Козмичу дал следующий приказ: «Воротись, брат Козмич, домой». – Надобно вам сказать, не прерывая речи, что майор своего слугу почти всегда братом Козмичем называл, хоть это ныне и не водится, однако он во всю жизнь свою от этой странной привычки отстать не мог, и что, может быть, удивит более всего, это то, что он не иначе почитал двуногое творение, человеком называющееся, как за себе подобного. «Итак, брат Козмич, воротясь домой, – сказал майор, – скажи жене, чтоб она сегодня сидела дома и отнюдь никого не принимала. Признаться тебе, мне что-то не хочется, чтоб она без меня одна оставалась. Итак, воротись домой, а потом догоняй меня скорее»... Козмич, услышав баринов приказ, остолбенел! – Майор повторил свою речь. Козмич ни с места. Майор спросил: «Разве ты, Козмич, не слышишь?» – Козмич заставил себе опять повторить и тут пробормотал что-то про себя. «Ну что ж ты стал?» – вскричал майор. –

«Помилуйте, сударь, что вы над собой делаете! Разве не жили вы на свете довольно, чтоб узнать?» – «Что это? – вскричал майор, немного рассердясь, – ты меня уж в этом учить хочешь?» – Данило умолк и, не говоря ни слова в ответ, поворотил иноходца и тихим шагом пустился вспять.

Теперь, милостивые государины, так как вам известно, что всякому позволено думать, то, по вышеупомянутым Локковым правилам, Козмич свое задумал, а мы оставим его покамест думать на дороге и послушаем вас. «То-то мужчины, то-то мужья!» – скажете вы. Да, сударины, что делать, согласен с вами: плохо они, конечно, делают, и готов с вами воскликнуть, что в сем случае сами себе горе накликают. Но к чему накликать? Как вы изволите знать, и без наклички часто горе бывает, не во вред то вашей чести будь сказано. Но полно, воля ваша, с примечаниями мы ввек не кончим. Вы же сами на меня прогневаетесь, что я заболтался. Вспомните, что мы Козмича в трудных размышлениях на дороге оставили, а паче всего вспомните опять и то, что я его обещался в передний угол посадить, а вы увидите, что я его не даром, а за услуги сажаю. Ехавши дорогою, Козмич рассуждал так: «Вот господа, вот мужья! делай по их воле. Кому охота на каторгу? А мой барин сам на беду накупается. Что теперь делать? – Как не сказать барыне, от барина мне беда, и сказать ей, от барыни барину беда, как снег на голову. Боже упаси!.. Э-ге! постой!» Вдруг махнул Козмич пегого иноходца и как из лука стрела к воротам прилетел. Майорша, сидя у окошка, печально на дорожку посматривала, по которой милый ее муженек поехал. Увидя Данилу, стремглав бросилась к нему: «Что ты, Козмич? не случилось ли чего?» – «Нет, сударыня, все, слава богу, подобру-поздорову! Барин приказал кланяться, приказал сказать, приказал доложить, не извольте, дискать, без него на барбосе верхом садиться; он, дискать, хоть и смирная собака, однако, дискать, шуток не любит и верно-де вас укусит». Отдав свой рапорт, Козмич пустился по дороге вслед за майором. Майорша возвратилась в свою комнату и крепко задумалась. На правду напасть не мудрено, а особенно с хорошим воображением. Обдумав дело хорошенько, майорша так, как и многие прочие, самым ясным образом открыла загадку и рассудила так: «Что значит этот повелительный приказ? – говорила она про себя. – А! я это ясно вижу эти мужья нас пробуют – и хотят узнать, далеко ли наше послушание простираться может; но нет, полно, за тем ли я посвятила ему молодость и *провождаю*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.